

“Имейте совесть, вы мешаете людям молиться!”

О том, как мы вновь предаем Христа, и Бог исчезает из наших сердец - Елена Кучеренко.

Никто из нас не предаст Христа

Елена Кучеренко

Как же мне хотелось к концу Великого поста написать что-то светлое.

Что не пролетел он как обычно впопыхах и никчемной суете, и я хоть на шаг, но приблизилась к Богу. Что я не просто не ела мяса, клала поклоны и читала правило, а открыла свою душу и впустила туда Спасителя.

Что я не только стояла в церкви на длинных службах, тайком любясь собой, а взглянула на человека, который меня раздражает, – вонючего бомжа, алкаша, неверующего члена семьи, да кого угодно, – и вдруг увидела в нем Его. Его! Чистого и прекрасного! И что теперь я, ликуя, могу крикнуть: “Христос Воскресе!”. А мне ответят: “Воистину воскрес!” Нет, Он, конечно, воскрес, иначе бессмысленно все. И я и так крикну это с радостью и трепетом.

Но я хотела чувствовать, что живо мое сердце, и я не зря постилась...

... Шла Литургия Великого четверга. Я собиралась причащаться и, пробравшись через толпы народа почти к самому алтарю, затаив дыхание, вслушивалась в слова молитв.

Я знала, что опять за пост потерпела поражение по всем фронтам. Но может хоть сейчас, в эти дни, когда вот-вот произойдет страшное, и Христос, которого я так люблю, пойдет за меня на жуткую смерть, я возьму себя в руки стану – не достойной этого, нет... Это невозможно. Но хотя бы немного чище. А еще я слушала про Иуду и думала, что какая бы я не была, я никогда не предаю Спасителя. Никогда!

Я посмотрела вокруг. Рядом стояли люди, знакомые и нет, и мне казалось, что они чувствуют то же – никто из нас не предаст Христа.

“Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя прими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем”, – пели в храме. И мы все были там, на той Вечери, рядом с Христом. Мы молились, крестились и были собраны, как никогда...

“Оно и видно, что больной”, – ехидно донеслось сзади

И вдруг по благоговейным рядам прошло какое-то волнение. Что-то “инородное”, несоответствующее моменту появилось на нашей со Христом вечере.

К алтарю пытался пробраться какой-то мужчина. Лысый, худой, со странно-горящими глазами.

Кто-то молча пропускал, как будто и не замечая его острых локтей, потому что был весь ТАМ – со Христом. Кто-то удивленно смотрел. Кто-то раздраженно шипел: “Имейте совесть, вы мешаєте людям молиться!”

– Мне надо в алтарь! Мне очень надо! – повторял мужчина и пробирался вперед.

“Надо же, сумасшедший какой-то, – мелькнуло у меня в голове. – Ну да, такие часто туда ломаются. Особенно на Страстной”.

Мы, стоящие впереди, теснее сомкнули ряды перед его носом.

– Пожалуйста, пропустите, – просил он и из последних сил пытался прорваться.- Мне надо исповедоваться.

– Исповедь закончилась! Надо вовремя приходить! – строго сказала какая-то бабулька и, умиленно посмотрев на икону, перекрестилась.

– Нельзя в алтарь! – квакнула я и, встав перед дядькой, решила, что умру, но неблагочестия не допущу.

– Не толкайте меня, я больной, я сейчас упаду, – простонал мужчина, обращаясь к кому-то.

– Оно и видно, что больной, – ехидно раздалось откуда-то сзади.

– Подумаешь, задели его слегка, – донеслось сбоку.

“Вот хам, – подумала я. – Захожане, что с них взять!”.

И еще сильнее и благочестивее вросла в пол.

В этот момент из боковой двери алтаря, перед которой все это происходило, вышел один из священников.

“Ну, сейчас он ему устроит, – потеряла я про себя руки, – раз нас не слушает”.

И облегченно перекрестилась.

Он шел ко Христу и успел!

Но батюшка посмотрел на него, и, протянув руку, вырвал из нашей толпы. А потом обнял за плечи и, отведя чуть в сторону, начал исповедовать.

Из двери выглянул другой священник и через несколько секунд вынес странному дядьке стул.

Мы, благочестивые прихожане, удивленно переглянулись.

“Чадо крутое что ли?” – было написано у нас на лицах. Да нет, не похож. Неказистый слишком.

– Да это же N! – всплеснула руками одна старушка.

Я пригляделась. Да! Это был N. Раньше он был постоянным прихожанином и даже вроде кем-то работал в храме. Мы мало общались, но я знала его в лицо. А потом N. заболел онкологией и на какое-то время исчез. Он так изменился, что в тот день мы его не узнали.

– Надо же, еле сидит, а пришел в храм, – прошептал кто-то, знающий мужчину...

Мне было видно N. Бледный и слабый он, действительно, еле сидел на стуле, вздыхал и вытирал лицо. Было видно, что держится он из последних сил. Но пришел, хоть и опоздал.

Я вспомнила, как он просил пропустить, туда, вперед, к Богу. А мы дружно сомкнули ряды. И задохнулась от стыда.

Я видела, как просветлело его лицо, когда он причастился. Потому что, он шел ко Христу и успел! И как улыбнулся мне потом. И чуть не разрыдалась...

Я хотела опять почувствовать, что мы все ТАМ – на той Вечере, с нашим Спасителем. И не могла. Нас там не было. Что-то “иностранное” прошло по нашим рядам. И исчез Бог из наших сердец. Там были пустота и склоки. И мы просто стояли в храме.

Я думала о том, что я не Иуда и никогда не предаю Христа. Я обязательно увижу Его в любом человеке – в ближнем, в дальнем, приятном и неприятном. И знала, что это не так. Что я опять оттолкнула, не поверила, не пожалела, и не предательство ли это?

Я хотела написать что-то светлое. Что пост прошел не зря и воскресло сердце мое... Но воскресло ли оно?

